

ПРЕПОДОБНЫЙ
СИМОНЪ
ВОЛОМСКІЙ.

Свящ. І. Вѣрюжнаго.

ВОЛОГДА.
Типографія В. А. Гудкова-Бѣлякова.
1880.

ПРЕПОДОБНЫЙ СИМОНЪ

ВОЛОМСКІЙ.

Преподобно-мученикъ Симонъ—новый чудотворецъ, просіявшій въ послѣднія лѣта и какъ бы пришедшій въ единадесятый часъ на дѣланіе въ виноградъ Господень—поелику показалъ въ себѣ не меньшую любовь къ Богу, трудъ и терпѣніе, какъ и древніе преподобные отцы и страстотерпцы мученики, то не меньшую ихъ воспріялъ и награду отъ праведнаго мздовоздателя Бога. Бывъ вѣренъ даже до смерти, онъ получилъ вѣнецъ живота (Апок. II, 10) и предстоитъ нынѣ престолу Господню на небеси, изливаетъ на землѣ исцѣленія всѣмъ, съ вѣрою его призывающимъ и поклоняющимъ ся его гробу.

Избранникъ Божій Симонъ родился въ первое лѣто царствованія благочестиваго царя Θεодора 18 Сентября 1586 года въ вотчинѣ Волоколамскаго Іосифова монастыря и въ св. крещеніи былъ названъ Симеономъ. Отецъ его Михайлъ—сдѣльный монастырскій крестьянинъ, по своей бѣдности, не могъ дать ему никакого образованія и воспитывалъ сына такъ, какъ и самъ былъ воспитанъ, приучая отрока къ хозяйству, къ земледѣльческимъ трудамъ и приготавливая въ немъ себѣ помощника и кормильца на старость. Въ 1607 году, въ несчастное царствованіе Шуйскаго, наставшія тогда въ Россіи волненія и безпорядки, грабежи и убійства то отъ поляковъ и литовцевъ, то отъ своихъ измѣнниковъ, совершенно раззорили крестьянъ и обнищавшій отецъ Симеона—для спасенія своей жизни и пропитанія вынужденъ былъ бѣжать въ другое мѣсто, а Симеонъ (которому было тогда уже около 20 лѣтъ) не успѣвши уйти вмѣстѣ съ нимъ, бѣжалъ въ Москву, гдѣ присталъ къ одному портному и сталъ учиться у него шить одежду. Научившись портному мастерству, Симеонъ вздумалъ уйти изъ столицы въ болѣе тихое и безопасное мѣсто, удаленное отъ военныхъ тревогъ; направившись къ сѣверу, онъ дошелъ до Устюга и остановился въ немъ на житье, снискивая себѣ пропитаніе своимъ ремесломъ. Какъ изъ самаго Устюга, такъ и изъ окрестныхъ селеній ежегодно весною доннынѣ отправляется немало богомольцевъ въ Соловецкій монастырь, прославленный подвигами пр. Зосимы и Савватія. Наслы-

шавшихся въ Устюгѣ о чудесахъ преподобныхъ и о благоустройствѣ ихъ обители, Симеонъ пожелалъ и самъ побывать тамъ и поклониться ихъ гробамъ, поэтому, дождавшись весны, онъ вмѣстѣ съ другими отправился водою изъ Устюга къ берегамъ Бѣлаго моря. Молодому человѣку, не имѣвшему семейства и ничѣмъ не привязанному къ міру, — понравилась тихая и спокойная жизнь на морскомъ островѣ; какъ мастеровой и способный къ трудамъ, радушно и ласково онъ принятъ былъ монахами и рѣшился остаться въ монастырѣ, чтобы потрудиться на пользу обители. Его опредѣлили на послушаніе въ швальню. Прибывши въ монастырь неграмотнымъ, онъ вскорѣ, подъ руководствомъ добрыхъ старцевъ, научился грамотѣ и церковному пѣнію и столько былъ усерденъ къ церковнымъ службамъ, что старался не опускать ни одной изъ нихъ ни утромъ, ни вечеромъ, исправляя въ точности и данную ему работу. Любилъ онъ бесѣдовать съ духовными старцами о спасеніи души, объ исполненіи иноческихъ обѣтовъ, и то, что слышалъ отъ нихъ, или вычитывалъ изъ книгъ, старался исполнить на самомъ дѣлѣ. Старцы, видя, что молодой послушникъ по своему мастерству полезенъ для обители, а по характеру — способенъ къ жизни и подвигамъ иноческимъ — желали навсегда удержать его въ обители и съ этою цѣлію стали ему хвалить монастырскую жизнь, какъ самую спокойную и угодную Богу и указывать на бывшія тогда востроенія въ нашемъ отечествѣ, на опасности и искушенія мірской жизни. Слова старцевъ не остались безслѣдными: въ сердцѣ молодого человѣка мало по малу возгорѣлось желаніе совершенно оставить міръ и постричься въ монашество, и чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе оно въ немъ усиливалось и возрастало. Однако Соловецкій монастырь по своему многолюдству, особенно же по множеству богомольцевъ, — мужчинъ и женщинъ, приходившихъ сюда ежегодно, казался молодому подвижнику не совсѣмъ удобнымъ для иноческихъ подвиговъ, и потому, пробывъ въ немъ три года, онъ оставилъ его и отправился искать себѣ болѣе уединеннаго и безмолвнаго мѣста. Возвращаясь Двиною изъ Соловокъ, онъ услышалъ, что на рѣкѣ Пинегѣ, на Черной горѣ находится монастырь Пресвятыя Богородицы грузинскія — въ странѣ мало населенной и рѣдко посѣщается богомольцами, узналъ такъ же, что настоятель монастыря — игуменъ Макарій — старецъ весьма учительный и опытный въ жизни духовной и пожелалъ отправиться туда. Достигши пустынной обители, онъ просилъ игумена принять его въ монастырь и удостоить иноческаго постриженія. Напрасно Макарій указывалъ ему на его молодость, на трудность иноческой жизни и на скудость своей обители — Симеонъ не хотѣлъ встать отъ его ногъ и со слезами продолжалъ просить постриженія, такъ что игуменъ, видя его усердіе, согласился наконецъ принять его и послѣ многихъ назидательныхъ бесѣдъ.

тельныхъ бесѣдъ и наставленій, удостоилъ его ангельскаго образа, нарекши вмѣсто Симеона Симономъ. Это было въ 1610 году, когда уже Симону было 24 года отъ роду. Несказанно радъ былъ Симонъ своему новому званію, всецѣло отрেকшись отъ своей воли, онъ совершенно подчинилъ себя волѣ старца-руководителя и со всею ревностію и съ юношескимъ жаромъ предался иноческимъ подвигамъ, безропотно исполнялъ всѣ тяжелыя монастырскія работы, замѣнялъ старшихъ и старался услужить каждому изъ братіи, непрестанно повторяя въ сердцѣ своемъ слова псалмопѣвца „виждь Господи смиреніе мое и трудъ мой и остави вся грѣхи моя“ (Пс. XXII, 18). Для большаго умерщвленія плоти онъ носилъ подъ одеждою на голѣ тѣлѣ жесткую и тяжелую власяницу. Чрезъ нѣсколько времени игуменъ назначилъ ему опредѣленное занятіе въ поварнѣ и пекарнѣ. Здѣсь въ молчаніи приготавливая пищу братіи и смотря на огонь въ печи, Симонъ представлялъ въ своемъ умѣ огонь геенскій, ожидающій грѣшниковъ, и со слезами молилъ Матерь Божию избавить его отъ него; сколь ни утомительно и не трудно было возложенное на него послушаніе, такъ какъ онъ самъ долженъ былъ и дрова рубить и воду носить, онъ никогда не оставлялъ церковной службы, являлся къ ней первымъ и выходилъ послѣднимъ. Постелью для него служила голая земля, когда утомленное тѣло его требовало отдохновенія, но часто онъ и того себѣ не позволялъ, проводя всю ночь въ бдѣніи и молитвѣ. Пища и питіе всегда были у него предъ глазами, но едва-ли кто въ обители употреблялъ ихъ рѣже и меньше его и болѣе его постился. Все это не утѣшило отъ игумена и братіи, хотя преподобный и старался скрывать свои подвиги, — однако всеобщая любовь и уваженіе къ нему стали съ каждымъ днемъ возрастать и умножаться болѣе и болѣе. Тяжело показалось смиренному подвижнику такое общее къ нему уваженіе и онъ, опасаясь, чтобы ради человѣческой славы не лишиться славы будущаго вѣка, началъ помышлять о томъ, какъ бы ему достигнуть совершеннаго безмолвія, чтобы въ уединеніи, невѣдомо для людей, работать единому Богу. Онъ повѣдалъ мысль свою игумену, прося его разсужденія и благословенія. Игуменъ Макарій, зная его высокую добродѣтель и готовя къ немъ преемника себѣ, — жалѣлъ съ нимъ разстаться, но не могъ не оцѣнить святости и чистоты его, нобужденій и преподаннаго наставленія, съ миромъ отпустилъ его изъ обители, благословивши искать житія болѣе безмолвнаго и совершеннаго. Преподобный устремился къ Новгороду, славившемуся множествомъ обителей и святостію обитавшихъ тамъ иноковъ, но обойдя многія пустынные мѣста, Ладогу и Корелу, не могъ найти себѣ мѣста по мысли и направилъ свой путь къ Москвѣ, желая извлечь себѣ душевную пользу изъ собесѣдованія съ подвижниками тамошнихъ монастырей. Но въ то время Москва была *градъ воюемый*

и всего менѣе въ ней можно было найти и встрѣтить то, чего искалъ Симонъ, почему онъ скоро снова рѣшился удалиться къ сѣверу и посѣтивъ монастыри, находившіеся въ окрестностяхъ Вологды, рѣкою Сухоною отправился къ знакомому для него Устюгу. Плывъ Сухоною, онъ вездѣ спрашивалъ, не знаетъ ли кто тайнаго пустыннаго мѣста, гоѣ бы онъ могъ поселиться и жить въ совершенномъ уединеніи? Одинъ крестьянинъ Антоній сказалъ ему, что есть такое мѣсто верстахъ въ двадцати отъ Сухоны по рѣчкѣ Кичменьгѣ, называемое Волмы, что оно со всѣхъ сторонъ окружено непроходимыми лѣсными чащами, мхами и болотами и что ближайшія къ нему селенія находятся съ одной стороны Стриленское въ 20, а съ другой Сараевское внизъ по той рѣчкѣ въ 25 верстахъ отъ него. Преподобный обрадовался этому, какъ драгоценной находкѣ и сталъ просить Антонія довести его туда, на что тотъ и согласился. Они прибыли въ Устюгъ 8 Іюля на праздникъ праведнаго Прокопія и, поклонившись св. мощамъ его, черезъ нѣсколько дней отправились въ путь вверхъ по рѣчкѣ Югу до селенія Кичменскаго и по рѣчкѣ Кичменьгѣ до деревни Сараевской и оттуда на Волмы. Трудно было найти мѣсто болѣе глухое и непроходимое, но оно понравилось Симону и походивъ по мѣсту, онъ остановился на берегу пустынной Кичменьги, и павши на землю, началъ со слезами молиться Богу и пречистой Его Матери, прося себѣ ихъ помощи и благословенія остаться тутъ и потрудиться для спасенія своей души. По окончаніи молитвы онъ сталъ рубить лѣсъ для построенія себѣ малой кельи, величиною въ сажень; это было 26 Іюля 1613 года Антоній пробылъ съ нимъ въ пустынѣ нѣсколько дней, предполагая можетъ быть, что у старца есть деньги и что они станутъ жить съ нимъ въ довольствѣ и снокойствіи, но когда увидалъ, что принесенный имъ хлѣбъ уже выходить и что имъ предстоятъ тутъ всевозможныя лишенія и труды, не захотѣлъ долѣе оставаться въ пустынѣ и возвратился домой. Такимъ образомъ исполнилось давнишнее, задушевное желаніе Симона работать Богу въ совершенномъ уединеніи и безмолвіи. Но зато сколько предстояло ему преодолѣть трудностей и препятствій, сколько нужно было имѣть твердости духа и рѣшимости—остаться жить въ непроходимомъ и незнакомомъ ему лѣсу, вдали отъ человѣческихъ жилищъ, безъ всякихъ средствъ къ своему пропитанію, даже безъ надежды въ зимнее время, въ случаѣ необходимости, выйти изъ пустыни и добраться до жилыхъ мѣстъ. Однако избранникъ Божій не смутился и не палъ духомъ, а еще радовался своему одиночеству и уповая на Промыслъ Божій, дающій пищу скотамъ и птенцамъ врановымъ, призывающимъ Его (Псал. CXLVI, 9), съ утра до вечера продолжалъ трудиться, устрояя свое жилище, рубя лѣсъ, чтобы очистить мѣсто и приготовить землю для посѣва хлѣба и овощей, вскапывая землю

лопатою, за неимѣніемъ другихъ земледѣльческихъ орудій, и питаюсь остатками принесеннаго имъ съ собой хлѣба, ягодами и другими произрастаніями земли. Раздѣливъ все свое время на трудъ и молитву, онъ, при наступленіи часа молитвы, тутъ же, гдѣ работалъ, преклонялъ колѣна и со слезами молился Богу, ложился спать тамъ, гдѣ застигала его ночь, чтобы на другой день скорѣе приняться за работу. Только въ первый годъ своего пустынножительства на Волмахъ, побуждаемый необходимостію, онъ нѣсколько разъ выходилъ въ окрестныя села и деревни просить сѣмянъ для посѣва хлѣба и овощей и милостыни для пропитанія, а въ послѣдствіи питался уже отъ плода рукъ своихъ—хлѣбомъ и овощами собственнаго посѣва, размалывая зерна въ жерновахъ ¹⁾. Пять лѣтъ онъ провелъ на Волмахъ въ непрестанныхъ трудахъ и лишеніяхъ, никѣмъ не знаемый и не слыша въ своей пустынѣ даже голоса человѣческаго. Но сколь ни трудно и ни прискорбно было для него это время, какъ ни часто приводилось ему переносить голодь и жажду, холодъ и жаръ, едва-ли оно не было лучшимъ, самымъ спокойнымъ въ его жизни, когда онъ никѣмъ и ничѣмъ не возмущаемый, могъ всецѣло предаваться богомыслію, возрастать и укрѣпляться въ жизни духовной, прогоняя отъ себя невидимыхъ враговъ молитвою и крестнымъ знаменіемъ. Когда же узнали о немъ окрестные жители, то кромѣ того, что своими посѣщеніями нарушами его безмолвіе,—многіе изъ нихъ отнеслись враждебно къ его поселенію въ ихъ странѣ и старались его выжить изъ пустыни, нанося ему различныя оскорбленія и обиды, что пустыжникъ все переносилъ великодушно, приписывая ихъ наущенію и злобѣ діавола и стараясь своимъ смиреніемъ и терпѣніемъ побѣдить ихъ грубость и жестокость. Впрочемъ были между ними и такіе, которые дивились трудамъ и терпѣнію пустытника и видѣли въ немъ челоуѣка Божія, они съ любовію слушали его душеполезныя бесѣды и изъявляли желаніе поселиться съ нимъ. Онъ принималъ ихъ и просилъ помочи ему сколько нибудь очистить мѣсто, чтобы увеличить посѣвъ хлѣба для общаго ихъ пропитанія. Когда такихъ ревнителей благочестія собралось нѣсколько и они стали просить старца построить церковь и завести общежитіе, то онъ, склоняясь на ихъ просьбы, рѣшился отправиться въ Москву для полученія на то дозволенія и грамоты отъ государя. Это было уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Благочестивый царь, милостиво принявши пустытника, удостоилъ его своей бесѣды и увидѣвши въ немъ истиннаго подвижника, далъ ему свою жалованную грамоту на просимую имъ ненаселенную землю и лѣсъ, по

¹⁾ Жернова были принесены преподобнымъ на себѣ изъ селенія Стрѣльны, находившейся въ 20 верстахъ отъ его кельи; они существуютъ и донинѣ и въ 1840 году при устройеніи оградъ около мѣста убіенія преподобнаго положены въ основаніе ея—священникомъ Алексіемъ Кичановымъ.

которой представлялось ему владѣть пространствомъ на 10 верстѣ во всѣ стороны отъ его кельи. Возвратившись изъ Москвы съ царскою грамотою, пр Сямонъ приложилъ труды къ трудамъ, чтобы очистить болѣе пространства и приготовить лѣсу на строеніе церкви, для этого онъ пригласилъ на помощь себѣ нѣсколько земледѣльцевъ изъ окрестныхъ селеній; при его неуспѣшнхъ трудахъ церковь вскорѣ была построена, а также и прочія необходимыя для общежитія службы, причемъ помощникомъ его былъ нѣкто Андрей — одинъ изъ числа поселившихся въ его пустынь. Но прежде нежели успѣли освятить церковь — пришли злые люди и сожгли ее. Въ одинъ день, когда, по совершеніи въ ней утренняго ибнїя и часовъ, пустынная братїя садилась за столъ въ трапезѣ, вдругъ изъ церкви показались дымъ и пламя и хотя вся братїя тотчасъ же бросилась тушить пожаръ, но уже ничего не могла сдѣлать. Поскорбѣлъ Сямонъ о такомъ несчастїи, но не упалъ духомъ и сталъ строить новую, когда же она была окончена, отправился въ Ростовъ испросить у епархіальнаго начальства антїмпнсь и благословеніе на ея освѣщеніе. Ростовскій митрополитъ Варлаамъ не только благословилъ освятить церковь и далъ пустыннику все необходимое для того, но и самого его возвелъ въ санъ священника и сдѣлалъ настоятелемъ новой обители 23 Января 1620 года. Возвратившись на Волмы усердный ревнитель крестнаго пути Христова и построенную имъ церковь освятилъ въ честь животворящаго креста Господня. Съ принятїемъ на себя сана священства онъ предаяся еще большимъ подвигамъ, служа для своей пустынной братїи примѣромъ трудолюбія, кротости и простоты сердечной, поста и молитвы. Но по мѣрѣ того, какъ онъ побѣждалъ и умерщвлялъ въ себѣ страсти, возрастала къ нему зависть и злоба его враговъ — крестьянъ одной окрестной деревни, гнѣвавшихся на то, что онъ владѣлъ землею и лѣсомъ на Волмахъ, хотя они никогда ими не пользовались, да и не могли имѣть въ нихъ никакой надобности.

Прошло уже около 20 лѣтъ съ того времени, какъ дана была преподобному царская грамота и устроена была на Волмахъ пночская обитель, уже широко распространилась въ окрестности слава о подвигахъ пр. Симона, добрые люди радовались тому, что среди непроходимыхъ лѣсовъ и дебрей, гдѣ прежде были логовища дикихъ звѣрей, подвизаются трудники и прославляется имя Божїе. Всѣ, бывавшіе въ пустынь, не могли нахвалиться кротостїю, душеполезными бесѣдами и отеческимъ радушіемъ старца-основателя обители, между тѣмъ какъ эти грубые и злые люди болѣе и болѣе злобился на него. Видя, что ни сожженїемъ церкви, ни другими многими оскорбленїями и обидами они не могли побѣдить терпѣнія старца и заставить его удалиться изъ ихъ страны, они рѣшились наконецъ отнять у него царскую грамоту, чтобы потомъ разрушить

пустынь и прогнать его, как поселившася самовольно. Злодѣи стали искать удобнаго для сего случая. Однажды, когда пр. Симонъ рубилъ дѣсь въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ обителя, къ нему подошли три крестьянина, которые ласками и угрозами стали требовать у него царской грамоты и схвативши его за волосы, повергли его на землю и навалили на него тяжелую колоду, угрожая ему смертію, если онъ не исполнитъ ихъ требованія, такъ что старецъ едва упросилъ ихъ отпустить его въ обитель за грамотою. Монастырскіе люди, услышавши о случившемся, бросились было искать злодѣевъ, но тѣ успѣли убѣжать и скрыться. Не успѣвши на этотъ разъ, злодѣи воспользовались другимъ случаемъ. Когда приблизился праздникъ праведнаго Прокопія Устюжскаго, народъ по обыкновенію со всѣхъ сторонъ пошелъ на поклоненіе св. угоднику, туда же отираившася и большая часть братіи немногочисленной Симоновой пустыни. Узнавъ объ этомъ, злодѣи не пропустили благоприятнаго для нихъ случая исполнить свое жестокое намѣреніе. Ночью они пришли въ пустынь и найдя въ ней преподобнаго, совершенно одинокимъ, стали бить и терзать его разными нитками, нанося ему раны желѣзомъ, опалия огнемъ, чтобы получить царскую грамоту. Преподобный упросилъ ихъ на минуту отпустить его для отысканія грамоты, и пришедши въ церковь, палъ предъ иконою Божіей Матери, со слезами молясь Ей, и поручая свою обитель Ея покрову и заступленію,— затѣмъ помолившись Господу Іисусу, чтобы послалъ ангела мирна принять его душу, онъ причастился св. Таинъ и такимъ образомъ приготовившись встрѣтить страшную смерть отъ руки своихъ мучителей, онъ не боязно вышелъ къ нимъ изъ церкви. Теперь я готовъ, кротко сказалъ онъ имъ, дѣлайте со мною, что хотите. Какъ агнецъ среди волковъ стоялъ блаженный предъ убійцами, но ни ангельская его кротость и спокойствіе постническаго лица его, ни святолюбивыя сѣдны не тронули окаменѣвшихъ сердець злодѣевъ,—подобно дикимъ звѣрямъ они бросились на блаженнаго, осылая его ругательствами и ударами; невозможно описать всего того, что вытерпѣлъ отъ нихъ страдалецъ. „Много мучина, нарушающаяся ему и ножи разбодонна св. тѣло его и наконецъ отсѣкоша честную главу его и повергоша тѣло близъ его кельи. Скончался пр. Симонъ въ лѣто 1641 мѣсяца Іюля въ 12 день, тѣло же его лежаше на земли многи дни ницѣмъ же предимо ни отъ звѣрей, ни отъ птицъ и насѣкомыхъ, ни отъ скота тамо живущаго, кровь же, истекшая изъ св. тѣла его, осидеся яко камень“, говоритъ древній писатель его житія. Страшное зрѣлище представилось братіи, когда они возвратились изъ Устюга, вопль, стоны и рыданія огласили пустынную обитель. Сколько они теперь раскаивались о своемъ путешествіи въ Устюгъ, сколько жалѣли о томъ, что оставили пр. старца одного въ обители, зная къ нему зависть и злобу крестьянъ,

незадолго передъ тѣмъ едва его не убившихъ. Горькими слезами омочили они опаленное, изъязвленное и обезглавленное его тѣло, и съ благоговѣніемъ поднявши его съ земли, на раменахъ своихъ внесли въ церковь. Въ тотъ же день одинъ изъ братіи снова отправился въ Устюгъ, чтобы вызвать изъ Архангельскаго монастыря іеромонаха для погребенія тѣла блаженнаго страдальца, такъ какъ въ то время въ пустынѣ не было другого іеромонаха, кромѣ блаженнаго Симона. Іеромонахъ Ефремъ, вызванный изъ Архангельскаго монастыря, при всеобщемъ плачѣ и рыданіи совершилъ съ великою честью надгробное пѣніе и похоронилъ пр. мученика по лѣвую сторону построенной имъ церкви. Пр. Симону было 55 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, когда онъ принялъ мученическую свою кончину, но онъ былъ уже сѣдъ и казался гораздо старѣе отъ постоянныхъ, чрезмѣрныхъ трудовъ и лишеній.

Убийцы пр. Симона, ослѣпленные завистію и злобою, думали, что со смертію его разрушится и основанная имъ Крестовоздвиженская Воломская обитель, а мѣсто ея достанется имъ, но они жестоко обманулись въ своей надеждѣ. Скоро Господь прославилъ Своего угодника, гробъ его сдѣлался источникомъ благодатныхъ чудесъ и исцѣлений и сталъ привлекать отовсюду множество богомольцевъ, такъ что и самая обитель стала болѣе приходить въ извѣстность и настолько устроилась, что къ роковому 1764 году въ ней было уже достаточное количество крестьянъ (71 душа). Даже на томъ мѣстѣ, гдѣ была отсѣчена глава преподобнаго и — ценовинная кровь обогриала землю, вскорѣ выросла высокая, кудрявая береза, широко раскинувъ свои вѣтви и служа нерукотворнымъ памятникомъ страдальческой его кончины.

Изъ рукописнаго житія пр. Симона видно, что уже въ Мартѣ 1646 года женщина Марія, долгое время страдавшая глазами, слыша отъ многихъ о чудесахъ преподобнаго, обѣщалась идти къ нему на поклоненіе; когда она приложилась къ его гробу и отерла лицо свое покрываломъ съ гробницы, то тотчасъ же получила исцѣленіе; — что въ 1648 году была уже написана икона святаго, пядница, старцемъ Архангельскаго монастыря Исаіею Гольцевымъ, — то надобно полагать, что чудеса и исцѣленія отъ мощей преподобнаго начались еще раньше, вскорѣ послѣ мученической его кончины. Первоначально надъ мощами преподобнаго была построена (въ 1646 г.) зырянномъ Агапитомъ — два раза получившимъ исцѣленіе отъ преподобнаго — часовня, но въ началѣ XVIII в. она была уже замѣнена церковію. — Нынѣ мощи преподобно-мученика Симона почиваютъ въ приходской, каменной, Крестовоздвиженской воломской церкви подъ спудомъ. Надъ ними устроена благолѣпная рака съ изображеніемъ на верхней доскѣ ея св. преподобномученика, написаннаго въ Устюгѣ въ 1680 году живописцемъ Михаиломъ Григорьевымъ Чистымъ —

хорошо знавшимъ и помнившимъ пр. Симона, образъ писанъ по усердію и желанію гражданъ и окрестныхъ жителей, а въ 1840 г. и мѣсто убіенія пр. Симона обнесено приличною оградою. Память пр. Симона совершается въ день его убіенія 12 Іюля, служба ему составлена во второй половинѣ XVII вѣка, когда началось его почитаніе. Въ древнемъ, рукописномъ житіи святаго записано 26 чудесъ, совершившихся при его гробѣ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Священникъ Бобровскаго яму, Христорождественской церкви Косма Молоковъ болѣе 10 недѣль не могъ выйти изъ дому, страдая ногами. Не получая пользы отъ лѣкарствъ, онъ обратился съ молитвою къ преподобномученику Симону, прося его о своемъ исцѣленіи, когда онъ положилъ обѣщаніе сходить на поклоненіе къ его гробу, то съ того самаго времени почувствовалъ облегченіе своей болѣзни и вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. Но будучи занятъ управленіемъ богослуженія и приходскихъ требъ, онъ началъ отлагать исполненіе своего обѣщанія со дня на день до болѣе свободнаго времени, пока его снова не постигла та же болѣзнь сильнѣе прежняго, такъ что онъ не могъ не только ходить, но и двинуться съ мѣста и всѣ составы тѣла его расслабли. Тогда онъ почувствовалъ свое согрѣшеніе противъ неподобнаго и когда началъ со слезами просить у него прощенія, снова обѣщаясь немедленно пѣшкомъ идти въ пустыню Воломскую, какъ скоро получитъ исцѣленіе, то опять скоро выздоровѣлъ и исполнилъ свой обѣтъ.

Монастырскій скоть въ Воломской пустынѣ всегда ходилъ безъ пастуха и къ вечеру самъ возвращался изъ лѣсу. Но 25 Іюня 1673 года скоть, выпущенный по утру, не возвратился вечеромъ, а какъ время было рабочее, монахи и послушники были на пашнѣ до самой ночи и весьма устали, то и не пошли искать его, надѣясь, что онъ и самъ придетъ на другой день. Однако на другой и на третій день скоть не возвращался, да и найти его нигдѣ не могли, хотя обходили всѣ мѣста около обители. Братія весьма опечалилась, полагая, что онъ истребленъ звѣрями; нѣкоторые даже плакали, потому что наступалъ праздникъ св. апостоловъ Петра и Павла, а у нихъ и разговѣться было нечѣмъ. На Петровъ день отпѣвши вечерню, унылые и печальные они стояли на церковномъ крыльцѣ, собираясь идти за постную трапезу, какъ вдругъ услышали необыкновенный шумъ и топотъ съ той стороны, гдѣ находился скотный дворъ, и увидѣли, что стадо ихъ стремглавъ мчитъ къ нему, а огромный медвѣдь съ ревомъ бѣжитъ за нимъ, бросаясь то въ ту, то въ другую сторону, не позволяя чрезъ то скоту разбѣгаться по сторонамъ и какъ пастухъ сганивая ихъ въ одно мѣсто. Всѣ видѣли, что медвѣдь вбѣжалъ за скотомъ на скотный дворъ, и слышали ревъ его, но вдругъ его не стало. Бросились посмотрѣть на скоть, не раненъ ли онъ звѣремъ, но скоть оказался цѣлымъ

и здоровымъ, стали искать слѣдовъ звѣря, но ничего не могли найти, хотя они должны были непременно остаться на тѣпкой и сырой землѣ.

У Артемія, крестьянина Сараевской волости, заболѣлъ сынъ—младенецъ Евтихій. Жена Артемія Епистимія, видя, что сыну ея съ каждымъ днемъ дѣлается все хуже и хуже, дала обѣщаніе сходить съ нимъ въ Воломскую пустыню помолиться у гроба преподобнаго, но болѣзнь продолжала усиливаться и наконецъ младенецъ померъ и уже сутки лежалъ мертвымъ на своей постелькѣ. Епистимія, приготавливая необходимое для его погребенія, во горести сердца начала упрекать и поносить пр. Симона, отъ печали, горя и слезъ обезумѣвшая женщина восклицала: „вотъ, съ кѣмъ я общалась и хотѣла идти на поклоненіе твоему гробу, того самого кладу во „гробъ и хочу везти на погость для погребенія“—и вдругъ младенецъ внезапно ожилъ и заплакалъ къ величайшему удивленію всѣхъ тутъ находившихся и къ неописанной радости матери. Черезъ нѣсколько дней пришедши съ младенцемъ въ Воломскую пустыню и со слезами припадая ко гробу преподобнаго, Епистимія горячо благодарила его за сына и просила прощенія въ томъ, что будучи въ горести дерзнула упрекать и поносить угодника Божія.

Тимофей Яковлевъ Поповъ, дьячекъ Тотемскаго уѣзда, Уф-тюжской волости, долго былъ нездоровъ головою и отъ этой болѣзни совершенно ослѣпъ, такъ что болѣе полтора года не зналъ когда день, когда ночь. Уволенный по этой причинѣ отъ должности, онъ вынужденъ былъ ходить по міру, Христа ради проси себѣ пропитанія. Услышавъ о чудесахъ, совершающихся при гробѣ пр. Симона, онъ обратился къ нему съ молитвою, обѣщаясь сходить въ Воломскую пустыню поклониться его гробу, тотчасъ же какъ чешуя какая отпала съ глазъ его и онъ сталъ видѣть все ясно, какъ будто и не былъ никогда боленъ.

У Устюжскаго мѣщанина Феодора Трофимова Рыкова и жены его Агриппины много было дѣтей, но всѣ они умирали въ младенчествѣ. Поэтому мужъ и жена обѣщались, если еще у нихъ родится сынъ—назвать его Симономъ, чтобы святой преподобномученикъ былъ ему хранителемъ и покровителемъ, но когда у нихъ дѣйствительно родился сынъ, они назвали его Иоанномъ и младенецъ, проживши четыре года, померъ, какъ и прежнія ихъ дѣти. Въ десятый годъ по рожденіи послѣдняго младенца Агриппина еще сдѣлалась непрадною и однажды ночью во снѣ ей явился пр. Симонъ и съ упрекомъ сказалъ: „почто обѣщавшись наречь покойному своему „сыну имя Симонъ не нарекли? Назовите же хоть этого Симономъ, „пбо въ утробѣ у тебя младенецъ мужескаго пола. Если назовете „его Симономъ, то увидите его и взрослымъ и онъ прокормитъ васъ „до смерти“. Когда настало время, Агриппина дѣйствительно роди-

ла мальчика и нарекла его Симономъ, при этомъ мужъ и жена дали обѣтъ, чтобы ихъ сынъ ежегодно ходилъ на поклоненіе гробу своего ангела въ день его памяти, что онъ постоянно и исполнялъ. Когда же онъ, уже по смерти родителей занявшись торговлею не исполнилъ ихъ завѣта и не сходилъ поклониться гробу своего покровителя, то вскорѣ его постигла болѣзнь столь тяжкая, что едва отъ нея не умеръ. Находясь при смерти, началъ онъ каяться и просить прощенія у преподобнаго въ своемъ прегрѣшеніи противъ него, обѣщаясь впредь всегда свято исполнять завѣщаніе родителей. По молитвамъ святаго онъ скоро выздоровѣлъ и когда у него родился сынъ, онъ далъ ему имя Симонъ въ честь угодника Божіи и своего покровителя.

Послѣ того, какъ Воломская пустыня была закрыта и Крестовоздвиженская церковь обращена въ приходскую, былъ при ней священникъ Антипа. Ему пришло на мысль посмотрѣть тайно мощи преподобномученика, для этого онъ призвалъ къ себѣ пономари Теодора Попова и двухъ земледѣльцевъ Тимофея Сырнкова и Ивана Красикова и уговорился съ ними, какъ удобнѣе это сдѣлать. Они положили цѣлую недѣлю поститься, молиться Богу и просить св. преподобномученика, чтобы онъ сподобилъ ихъ видѣть св. его мощи. По прошествіи недѣли вечеромъ, по захожденіи солнца, они тайно собрались въ церковь и снявши сѣнь и гробницу, стали лопатами копать землю. Не успѣли они докопаться еще и до половины глубины могилы, какъ вдругъ что-то зашумѣло и показалась вода, которая начала кипѣть какъ въ котлѣ и подниматься къ верху. Видя это любопытствующіе едва прішлп въ себя отъ страха и тотчасъ же начали засыпать могилу святаго землею, гробницу и сѣнь поставили на прежнее мѣсто и разошлись по домамъ, не смѣя сказать никому о случившемся. Уже спустя много лѣтъ пономарь Теодоръ повѣдалъ о томъ писателю чудесъ преподобнаго, приводя Бога въ свидѣтели истины.

По преданію, сохранившемуся доннынѣ, убійцами преподобнаго Симона были крестьяне Толстиковы изъ ближайшей къ монастырю деревни Овсяникова, находящейся на берегу рѣки Кичменги.